

Е.Ю. Карцева

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЭФИОПИИ

*Между берегом буйного Красного Моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа, страна.
(Н.Л. Гумилев)*

С глубокой древности Эфиопия представляла собой обширный и в известной степени замкнутый географический и экономический регион, отчетливо выделяющийся среди других регионов Африки южнее Сахары. Это страна, которая всегда представляла собой единое политическое образование, воплощающее ценности уникальной цивилизации, избежавшая колониального господства (за исключением пяти лет фашистской оккупации), «христианский остров» в мусульманском окружении. Эфиопия являлась многонациональной феодальной империей в мировом капиталистическом хозяйстве, участником борьбы с фашизмом и одной из стран-учредителей ООН.

Историческим предшественником Эфиопии явилось Аксумское царство, религией которого в V веке н.э. было принято христианство коптского толка. Аксумское государство было для Эфиопии тем же, чем для России была Киевская Русь. Его закат, усугубленный появлением на Африканском Роге мусульманских султанатов, повлек за собой длительный период раскола, междоусобиц и изоляции Эфиопии, ненадолго прерванный в XII-XIV веках образованием централизованного феодально-церковного государства, заметной фигурой которого был император Зэра Яякоб. В середине XVI века

Эфиопия подверглась опустошительному вторжению мусульманских войск султаната Адаль, которые затем были разбиты при поддержке португальцев, пытавшихся, правда безуспешно, закрепиться в Эфиопии. С окончанием в середине XIX в «столетия князей» – соперничества феодальных регионов страны – начался этап восстановления единого эфиопского государства. Император Менелик II (1889-1913 гг.), сумевший преодолеть сопротивление крупных феодалов, расширил границы империи на востоке, юге и западе и отстоял суверенитет Эфиопии, используя колониальные противоречия и столкновение интересов Великобритании, Франции и Италии на Африканском Роге. Он был первым из эфиопских императоров, которому удалось, правда, в ограниченной степени, ввести в Эфиопии ряд технических достижений, применявшихся в Европе. Он осуществил также ряд внутренних реформ, направленных на модернизацию государственного и административного аппарата. [1, с. 234] В 1892 г. была реорганизована система налогов с целью обеспечения постоянного притока доходов в государственную казну. К важнейшим реформам Менелика II следует отнести создание в 1907 г. первого в истории Эфиопии кабинета министров. Однако первоначально роль министров была незначительной, и вся полнота власти по-прежнему находилась в руках императора. К концу XIX века произошло превращение страны в сравнительно сильное единое государство с границами, практически совпадавшими с контурами современной Эфиопии.

Широкое развитие внешних связей Эфиопии начинается с открытием Суэцкого канала в 1869 году. Россия была вторым, после Франции, государством, с которым отношения Эфиопии в конце XIX века развивались успешно. Это объяснялось главным образом двумя причинами. Во-первых, Россия не имела колоний в Африке и даже потенциально не представляла угрозы для Эфиопии. Поэтому Менелик II очень благосклонно смотрел на расширение контактов с Россией. Во-

вторых, этому способствовал огромный интерес, который проявляла Россия к Эфиопии в то время.

Следует также отметить, что эфиопское христианство было окружено в России почти что легендой и рассматривалось как вероисповедание, очень близкое православию. Еще в средневековые русские паломники, посещая Иерусалим, ознакомились с «хабешами» – «черными христианами». В тот период русская наука и публицистика также проявляли большой интерес к эфиопским вопросам. На рубеже XIX и XX веков в России успешно развивалась эфиопистика и появилось много ценных научных работ. В тот же период Эфиопию посетили несколько русских путешественников [2], сообщения которых возбуждали в России дополнительный интерес к Эфиопии. Дополнительным фактором, заставившим русскую дипломатию проявлять интерес к Эфиопии, был острый англо-русский антагонизм на Ближнем Востоке в конце 70-х годов XIX века. Конфликт с Англией повлиял на то, что Россия независимо от вышеупомянутых причин доброжелательно относилась к Эфиопии и приветствовала одержанную под Адуа победу над Италией, союзником Англии. Одновременно с этим Россия была на стороне своего союзника Франции в ее африканской политике. Русское правительство, безусловно, восприняло бы благосклонно расширение французского влияния в бассейне Нила за счет Великобритании.

Русская православная церковь начала интересоваться своими «братьями» с начала 40-х гг. XIX века, когда после громких военных побед России над Турцией в первой трети XIX века стала претендовать на роль покровительницы всего восточного христианства. Первым о необходимости церковного проникновения в Эфиопию заявил архимандрит Порфирий (Успенский). Помимо задач изучения национального уклада Эфиопии и подготовки благоприятной почвы в стране для её последующего церковного сближения с Россией

Порфирий указывал и на необходимость политического союза с эфиопами. [3, с. 54; 4, л. 59-60]

В конце XIX века Россия активизировала свою внешнеполитическую политику. В этот период значительно укреплялись экономические и политические позиции национальной буржуазии, усиливалось её влияние на внешнюю политику царского самодержавия. Узость внутреннего рынка страны заставляла буржуазию обращать внимание на другие государства и, в частности, на Эфиопию. Известное значение для России Эфиопия имела и с точки зрения обеспечения связи европейской части страны с Дальним Востоком через Суэцкий канал и Красное море, а также обладания опорными пунктами на морских путях мировой торговли. Надо также принять во внимание, что русские считали эфиопов «братьями по вере», а это обстоятельство имело в то время немаловажное значение. Но самым главным мотивом России явилось огромное желание иметь своего сателлита на африканском континенте. Путём поддержки Эфиопии Россия стремилась упрочить свои позиции в Африке, активно препятствуя, таким образом, усилению своих конкурентов в этом регионе.

Российский генеральный консул и дипломатический агент в Каире (в 1884-1886 гг.), действительный статский советник М.А.Хитрово, отмечал: «Почитая себя православными, абиссинцы с давних времён смотрят на православную Россию как на естественную покровительницу всего православия... Вовлечение Абиссинии в сферу нашего политического влияния, не вводя нас ни в какие расходы и не представляя для нас никакой опасности... могло бы сделаться весьма серьёзным подспорьем для нашей общей политики». [3, с. 77] Указывал М.А. Хитрово и на важное для России стратегическое положение Эфиопии: «Рано или поздно Массауа должна сделаться портом Абиссинии, которая до сих пор не имеет морских дебуше. В этом случае при сближении с Абиссинией мы могли бы обеспечить для себя в

будущем благонадёжный угольный склад и прекрасную стоянку в Чёрном море для наших военных судов дальнего плавания». [3, с. 77-78] Царское правительство сосредоточило внимание на использовании дипломатических средств в политическом и культурном сближении с Эфиопией. В достижении этой цели России приходилось преодолевать соперничество Великобритании, Франции, Италии.

В 1888 году в Киев на празднование 900-летия Крещения Руси прибыла эфиопская делегация. Негус Эфиопии давно уже выражал «желание, чтобы подвластные ему духовные лица посетили единоверную Россию, ознакомились с нею, могли бы своим присутствием заинтересовать духовные, административные и частные сферы судьбами Абиссинии, а, возвратясь, укрепить ещё более сообщением о всём виденном искренние симпатии Негуса и его подданных к России». [3, с. 103] На празднествах делегация огласила письмо от имени настоятеля эфиопского монастыря в Иерусалиме архимандрита Георгия, адресованное митрополиту Киевскому Платону, в котором, в частности, говорилось: «Вся Абиссиния шлёт братьям русским низкий поклон и давно желает быть в духовной и братской с ними связи». [5, с. 56] Представители эфиопского духовенства были весьма тепло приняты не только влиятельными иерархами православной церкви, но и самим императором Александром III.

В конце XIX века российские фабриканты поддержали Н.И.Ашинова, организовавшего несколько экспедиций в Эфиопию и попытавшегося основать свою базу (станцию) со стоянкой для российских судов в порте Сагало (в нынешней Республике Джибути). [6, с. 104] Так как экспедиция не была поддержана официальным Петербургом, она не принесла ожидаемых результатов. В одной из циркулярных депеш министр иностранных дел Н.К. Гирс (1882-1895 гг.) отмечал: «Предприятие есть совершенно частное... Императорское правительство воздержалось не только от участия в организации, но и от

содействия оной...». [3, с. 105-106] 5 февраля 1889 года после ультиматума с требованиями освободить Сагалло, губернатор Обока приказал расстрелять поселение Российской экспедиции. Императорское правительство возложило ответственность за происшедшее в Сагалло кровопролитие исключительно на организатора миссии, «решившегося нарушить спокойствие в пределах территории, подведомственной державе, находящейся в дружественных отношениях с Россией». [3, с. 13] Приказом Александра III Н.И. Ашинов по прибытию в Россию был сослан в Якутскую область.

Первой официально поддержанной царской Россией экспедицией в Эфиопию принято считать экспедицию под руководством В.Ф. Машкова. Экспедиция курировалась Военным ведомством России, которое, согласно американскому историку Э. Вилсону, было заинтересовано в создании затруднений для Великобритании в осуществлении ее имперских планов в отношении Персии, Средней Азии и Туркестана, так как на эти страны претендовала сама Россия. Эфиопия ввиду ее близости к оккупированному в 1882 году Египту и известных про – русских симпатий ее населения и правителей, представлялась наиболее удобным полем действия. [7] Встреча В.Ф. Машкова с императором Менеликом II состоялась в августе 1889 года. «Менелик весьма заинтересованный в дружественных отношениях с Россией, щедро уделил время русскому путешественнику и пригласил его присутствовать на коронационных торжествах, которые должны были состояться в столице в сентябре». [3, с. 18]

Однако из-за отсутствия средств В.Ф. Машков не смог задержаться в Аддис-Абебе. В отличие от своего предшественника Н.И. Ашинова В.Ф. Машков привез письмо, врученное ему императором Менеликом II русскому императору Александру III. Это письмо и подробный отчет В.Ф. Машкова о поездке в Эфиопию вызвал большой интерес, как в правительственных, так и в научных кругах. Если его

предшественник атаман Ашинов закончил ссылкой, то В.Ф. Машков был награжден высоким орденом и получил очередное воинское звание. Российское географическое общество приняло его в число своих действительных членов и наградило малой серебряной медалью.

В 1891 году состоялась вторая поездка В.Ф. Машкова в Эфиопию. В этот раз он был направлен Русским географическим обществом, а российский император направил ответное письмо Менелику II через него. Вторую экспедицию, возглавляемую В.Ф. Машковым можно считать пробным шаром русского правительства в отношении Эфиопии. Ей предстояло выяснить «стоит ли России вообще иметь дело с Эфиопией, и, если стоит, то в каких областях и до каких пределов». И хотя в результате второй экспедиции В.Ф. Машкова страны не установили дипломатические отношения, тем не менее, можно констатировать, что В.Ф. Машков открыл Эфиопию для русских путешественников. Благодаря В.Ф. Машкову состоялся первый в истории двух стран обмен письмами между российским и эфиопским императорами. По возвращении в Россию он передал письмо Александру III от Менелика II, в котором император Эфиопии писал о фальсификации итальянцами условий итало-эфиопского договора 1888 года и просил русское правительство поддержать его протест против объявления Италией Эфиопии своим протекторатом. Новая российская экспедиция в Эфиопию отправилась 3 января 1895 году. В составе экспедиции были известный путешественник А.В. Елисеев, отставные офицеры Н.С. Леонтьев и К.С. Звягин, архимандрит Ефрем (известный московский врач Цветаев). Экспедиция под руководством Н.С. Леонтьева имела специальное задание от Географического общества России по сбору научных материалов. Кроме того, она должна была собрать ряд сведений для Военного Министерства, изучить политическое устройство страны. [2, с. 85]

Н.С. Леонтьев несколько лет оставался в Эфиопии и в 1895-1897 гг. выполнял обязанности советника императора Менелика II. Ответом на экспедицию Н.С. Леонтьева стало снаряжение эфиопской дипломатической миссии в Россию во главе с фитаурари Фитуа Дамтэу, священником Гербе Ыкзиабихэром, князем Генемье и Фита Билачеу. 17 июня 1895 года эфиопские посланники прибыли в Петербург. Посланники прибыли, чтобы выразить соболезнования по случаю смерти Александра III, поздравить Николая II в связи с коронацией, а также получить военную помощь и заручиться дипломатической поддержкой России в связи с надвигающейся войной. [2, с. 89]

Выражением поддержки Эфиопии во время итало-эфиопской войны явилась отправка в Эфиопию русского санитарного отряда Российского общества Красного креста, который 28 мая 1896 года прибыл в город Харэр. Оставив часть своего персонала в Харэре, отряд направился в Аддис-Абебу, где русские врачи организовали полевой госпиталь, в котором лечили раненых; а позже при российской дипломатической миссии был открыт госпиталь для населения. С этой целью в России по частной инициативе был произведен сбор средств для оказания медицинской помощи эфиопским солдатам. При русском санитарном отряде были открыты медицинские курсы для эфиопов, что фактически положило начало медицинскому обслуживанию населения Эфиопии. Гуманным обращением с народом и искренней заботой о раненных и больных русские врачи, фельдшеры и санитары заслужили любовь и благодарность эфиопского народа. Менелик II наградил всех участников санитарного отряда орденами, медалями и грамотами.

Первая официальная дипломатическая миссия России во главе с действительным статским советником П.М Власовым прибыла в Аддис-Абебу в феврале 1898 года; в первый и единственный раз в Африке (до периода окончания Второй мировой войны) было основано российское посольство. Так были обозначены дипломатические

отношения между двумя единственными в мире восточно-христианскими империями. Император Эфиопии Менелик II, правивший страной в те годы, подарил россиянам землю, на которой и обосновалось посольство. Посольство современной России стоит на той же земле, на склонах горы на окраинах Аддис-Абебы, столицы Эфиопии. На его территории сохранилось одно из построенных в то время зданий. А если выйти из ворот посольства и перейти через горную речку Кебена по мосту, который и сейчас носит название Казачий, попадаешь на Русскую улицу.

Несмотря на симпатии эфиопов к России и ее посольству, российская сторона строго придерживалась принципа дружественного нейтралитета и признания безусловного суверенитета Эфиопии на своей территории. Вопреки пожеланиям Эфиопии, Россия не стала противовесом Великобритании, которая после поражения Италии в 1896 году стала главным противником Эфиопии. Вплоть до 1906 года Россия вела динамичную политику, выражавшуюся в оказании различной помощи: медицинской, технико-экономической, дипломатической и финансовой.

Помимо этого военные специалисты России, такие как А.К. Булатович, Л.К. Артамонов и другие, сыграли большую роль в укреплении западных пограничных с англо-египетским Суданом рубежей Эфиопии и усилении боеспособности эфиопской армии.

С началом Англо-бурской войны, в то время как основные силы британской армии были сосредоточены в Трансваале, Менелик II хотел воспользоваться случаем, для того чтобы утвердить западные границы своей империи по Белому Нилу и заставить англо-египетские войска уйти с правого берега Нила. Для осуществления этого плана Менелику II нужна была достоверная информация об экономическом и политическом положении на данной территории.

В этой связи 13 июня 1899 года Менелик II обратился к главе русской дипломатической миссии П.М. Власову с просьбой командировать А.К. Булатовича, завоевавшего при дворе императора большой авторитет и доверие, к западным границам своей империи.

А.К. Булатович не только предоставил императору подробную топографическую съемку приграничных районов, но и составил вероятный план театра военных действий, указав на слабые и сильные стороны империи Менелика II. [8, с. 25] По окончании Англо-бурской войны Эфиопия могла стать очередной мишенью Англии. Таким образом, А.К. Булатович материалами, полученными в ходе экспедиции, способствовал стремлению Менелика II сохранить территории его страны.

К началу XX века Эфиопия была единственным африканским государством, сумевшим в период колониального развития континента в вооруженной борьбе отстоять свою независимость. Эфиопия, благодаря искусному маневрированию правительства Менелика II смогла сохранить политическую независимость, хотя проникновение иностранного капитала привело к частичному экономическому закабалению страны.

В 1902 году после официального визита главы Эфиопской церкви абуну Матеуоса Россия приняла решение об учреждении постоянной дипломатической миссии во главе с министром-резидентом К.Н. Лишиным. (К.Н. Лишин был первым и последним представителем, имевшим этот ранг.)

Предполагалось, что открытие постоянной дипломатической миссии поможет расширить и укрепить отношения между двумя странами. Однако по стечению обстоятельств этого не произошло – в начале 1906 г. в Аддис-Абебе скончался К.Н. Лишин. Российско-эфиопские отношения стали свертываться, снизился уровень дипломатического представительства, сократились ассигнования на его

содержание. В начале 1906 г. закрылся русский госпиталь в Аддис-Абебе, что было встречено Менеликом II с большим недовольством и сожалением.

Эфиопия стремилась найти в лице России поддержку и покровительство в борьбе за сохранение независимости перед европейскими державами. Правящие круги государства считали, что Россия не имела колоний на «чёрном» континенте и не стремилась к их приобретению, а потому не представляла очевидной угрозы для их страны. Менелик II хорошо понимал, что его страна располагает достаточно ограниченными внутренними ресурсами для самостоятельного развития, и потому был заинтересован в притоке иностранных капиталовложений. Однако, охотно открывая двери иностранному капиталу, император должен был постоянно опасаться чрезмерного усиления в его стране одной из трех пограничных с Эфиопией колониальных держав: Англии, Италии и Франции, которые в случае каких-либо внешнеполитических затруднений Эфиопии или внутренних неурядиц были не прочь не только экономически, но и территориально поживиться за ее счет.

Поэтому Менелик II, а затем и Лидж Иясу предпочитали инвестиции из тех стран, которые не имели граничащих с Эфиопией владений: Бельгии, Австро-Венгрии, Германии, США и, конечно же, России как страны, с которой ее связывали доверительные и дружественные отношения, и которая была близка ей по религии. Это объясняет, по какой причине Менелик II пытался настойчиво возбудить большой интерес России к своей стране, раздвинуть сотрудничество за рамки политической сферы. Именно этим следует объяснить его неоднократные, но безуспешные попытки убедить Россию приобрести порт на Красном море для непосредственных сношений с Эфиопией, а также основать в Аддис-Абебе русско-эфиопский банк. Именно этим объяснялись и неоднократно

предлагаемые льготы и концессии, которыми та так и не воспользовалась.

Несмотря на поддержку министра-резидента К.Н. Лишина, императору Эфиопии так и не удалось привлечь российское правительство и заинтересовать частные финансовые круги экономическими проектами. Впрочем, как уже отмечалось, это обстоятельство объяснялось историческими причинами: неудачной войной с Японией и революционными беспорядками в России, которые поставили на грань банкротства российскую государственную казну и вынудили правительство прибегнуть к иностранным займам. Ослабление позиций правящего режима заставило его резко уменьшить свою внешнеполитическую активность и обратить первостепенное внимание на внутренние проблемы.

В 1907 году последовало соглашение с Англией о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Китае. Началось постепенное сокращение расходов на содержание второстепенных дипломатических представительств за границей. Были значительно урезаны и расходы на содержание российского представительства в Эфиопии: должность министра-резидента вскоре после смерти К.Н. Лишина в Аддис-Абебе была упразднена, и миссию возглавил Поверенный в делах.

Хотя формально никаких принципиальных перемен в российской политике по отношению к Эфиопии не произошло, прежняя поддержка независимости и территориальной целостности этого государства приняла после 1907 года больше декларативный, чем фактический характер, а реальное участие Санкт-Петербурга в эфиопских делах упало до минимума.

После русско-японской войны и первой русской революции Россия резко сократила свое присутствие в Эфиопии, а после Великой Октябрьской революции дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны. Таким образом, эфиопская монархия

выразила свое отношение к событиям, происходившим в России и, прежде всего моральную поддержку свергнутой монархии.

Признаки заинтересованности в восстановлении отношений между странами со всей очевидностью проявились в течение 20-х годов XX века. Однако изменение режима в России и осложненная внутренняя обстановка в Эфиопии затрудняла возобновление отношений. Тем не менее, эфиопская общественность осознавала необходимость иметь верного союзника в противовес политике западных держав, посягавших на независимость страны. В марте 1921 года через двух российских офицеров, проживавших в Эфиопии, влиятельные политические деятели обратились к Советскому правительству с просьбой о восстановлении отношений между странами. [9, с. 23]

Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин представил в ЦК РКП (б) специальный доклад, в котором были изложены меры, необходимые для установления политических отношений с Эфиопией. Проведение переговоров было поручено одному из организаторов Народного комиссариата иностранных дел И.А. Залкинду. Советский российский дипломат прибыл в Аддис-Абебе с тайной миссией в июне 1921 года для переговоров главой тогдашнего эфиопского правительства фитаурари Хабтэ-Гийоригисом о возобновление межгосударственных отношений и принятия Эфиопией постоянной дипломатической миссии из Советской России. [10, с. 126] Однако установить дипломатические отношения не удалось, т.к. этому препятствовали страны Антанты. Кроме того, императрица Зоудиту, ориентировавшаяся в своей политике на страны Западной Европы, рассматривала контакты с Советской Россией как средство давления на западных политиков, препятствующих вступлению Эфиопии в Лигу наций. [11, с. 31]

В апреле 1924 года регент Тэфэри Мэконнын выехал с дипломатической миссией в Европу. Будущий император пытался

вступить в переговоры о восстановлении отношений с советскими представителями в Великобритании, Италии, Греции. В свою очередь, комиссар иностранных дел в СССР Г.В. Чичерин рекомендовал советским представителям в этих странах вступить в контакты с регентом. В августе 1924 г. полпреду А.М. Устинову удалось встретиться с эфиопским государственным деятелем, тогда же он писал в своем письме о том, что правительство СССР «решило взять на себя инициативу восстановления нормальных отношений между обеими странами». [12, с. 428] Однако довести дело до конца не удалось. Оппозиционные силы в лице Англии, Франции, Италии, опасавшиеся, что связи Эфиопии с СССР будут способствовать её независимости, а также силы в самой Эфиопии препятствовали установлению советско-эфиопских отношений.

В 1925 году возможность советско-эфиопских переговоров обсуждалась консулами обеих стран в Хиджазе. Как явствовало из заявления эфиопского консула, главным препятствием на пути нормализации отношений между Эфиопией и СССР стала враждебная позиция стран Антанты. Эфиопская дипломатия просила сохранить в абсолютной тайне и содержание переговоров о советско-эфиопских отношениях, дабы избежать действий со стороны Антанты.

В 1927 г. академик Н.И. Вавилов, ученый широкого диапазона ботаник-генетик, географ организатор путешествий организовал экспедицию Эфиопию. Правительство Эфиопии оказало академику Н.И. Вавилову радушный прием. Он преподнес подарок императрице Зоудиту карту земледелия СССР и свою книгу «Центры происхождения культурных растений», изданную на английском языке. Н.И. Вавилов вспоминал, как рас Тэфэри Мэконнын (регент эфиопского трона) с «большим интересом расспрашивал о нашей

стране. Его интересовали в особенности революция, судьба императорского двора. Вкратце мы рассказали ему известную эпопею». [13, с. 167]

Как полагает С.Я. Синицын, будущий император как бы преломлял историю дома Романовых на ситуацию Эфиопии, однако вряд ли он мог тогда предположить, что судьба эфиопской монархии, ее финал будет во многом схожей с судьбой российской монархии. Между тогдашней Эфиопией и старой царской Россией, при всех очевидных этнических, исторических различиях, было немало общего. Как и старая Россия. Эфиопия была древним феодальным государством, где основная часть земель принадлежала императорской семье, крупным помещикам, церкви, военачальникам. Как и в старой России, капиталистические отношения находились в стадии становления, не захватывая глубоко народное хозяйство, культуру и менталитет основной массы населения. Самодержавный строй возглавлялся императором, провозгласившим доктрину «просвещенной монархии», сходную, по сути, с лозунгом России «самодержавие, православие и народность». Как и старая Россия, Эфиопия была многонациональной империей, создававшейся с помощью вооруженной силы, дипломатии и денег, в которой главенствующую, объединяющую роль, как русские у нас играли амхарцы, и где также остро стояла проблема национальных окраин (Эритрея, Огаден), обеспечения выхода к морям, подавления сепаратистских тенденций, поддерживаемых извне.

Как и в царской России, влиятельная церковь находилась на службе государства, подчиняясь воле императора, но вместе с тем играла и позитивную роль консолидирующей силы перед лицом внешней угрозы стране и частых в прошлом распрей «удельных князей». Наконец, как и Россия, Эфиопия не раз подвергалась иноземному нашествию и вмешательству в свои внутренние дела, как

со стороны западных держав, так и со стороны своих многочисленных мусульманских соседей. Общим своеобразием положения России и Эфиопии, как двух империй, на международной арене была их геополитическая и междивилизационная «промежуточность»: «евразийность» России может быть сопоставима, с понятными оговорками, с «афразийностью» Эфиопии, возникшей и сформировавшейся как независимое государство на стыке африканского и азиатского (в его арабо-мусульманской ипостаси) миров. [14, с. 14-15]

В обоих случаях обеспечение государственных интересов в значительной мере было связано не только с внешними факторами, но и с преодолением внутренней уязвимости, объективно возникавшей из этнической и религиозной неоднородности, сепаратистских тенденций и политических амбиций местных «элит», получавших к тому же заинтересованную «подпитку» извне.

Наконец, эта «промежуточность» и внутренняя уязвимость в обоих случаях играла роль сдерживающего фактора в развитии социальных и национальных процессов, поскольку их «неуправляемое» течение в глазах авторитарной власти, и не только ее, представлялось угрозой не просто режиму, форме правления, но и целостности государства, его дальнейшей судьбе, его идентичности. Это обстоятельство способствовало тому, что и в той, и в другой стране социальный прогресс был оплачен большой кровью народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыпкин Г.В. Эфиопия в конце XIX в. (Менелик II и его реформы 1889-1895 гг.) / Тропическая Африка. Проблемы истории. / Под ред. Давидсона А.Б., Луконина Ю.В., Нерсесова Т.А., Субботина В.А. – М., 1973.
2. Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX – начале XX в. и их этнографические материалы // Африканской этнографический сборник. Выпуск 1. – М., 1956 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XXXIV).
3. Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX вв. Сборник документов. – М. 1998.

4. АВПРИ. Ф. № 151. Оп. 482. Д. 1999.
5. Заболотский Н.А. Исторические связи Русской и Эфиопской церквей // Журнал Московской Патриархии. №3, 1974
6. Хренков А.В. Русско-эфиопские отношения / Современная Эфиопия. – М., 1988.
7. Правительственные сообщения // Правительственный вестник. № 1, 12 (24) февраля 1889.
8. Васин И.И. Политика капиталистических держав в Эфиопии (60–90-е гг. XIX в.). – М., 1974.
9. Горбатов О.Н., Черкасских Л.Я. Сотрудничество СССР со странами Востока и Африки. – М., 1973.
10. Громыко А.А. Африка: прогресс, трудности, перспективы. – М., 1981.
11. Макеев Д.А. Становление советско-эфиопских межгосударственных отношений / Международные отношения на Ближнем Востоке и Северо-Восточной Африки в новейшее время. – М., 1983.
12. Документы внешней политики СССР. Т. VII. – М., 1963.
13. Вавилов Н.И. Пять континентов. Повесть о путешествиях в поисках новых растений. – М., 1962.
14. Сеницын С.Я. Миссия в Эфиопии. – М., 2001.